

Дагерротип князя Щетинина.
Книга 2. Тень государя.

Владимир Кожедеев

The illustration depicts a dark, hooded figure in a long coat standing on a stone balcony at night. The figure is holding a bright red, fringed shawl. A pool of blood is visible on the ground at the figure's feet. To the right, the silhouette of another person in a military-style uniform stands with a handgun. In the background, a large, illuminated building with many windows is reflected in the water. A bright light source, possibly the moon, is visible in the dark sky.

Владимир Кожедеев
Дагерротип князя Щетинина.
Книга 2. Тень государя
Серия «Исторические
детективы», книга 7

*<https://litres.ru/73978528>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Петербург, 1856 год. Империя на грани. После смерти Николая I трон занимает его сын Александр II. Старые тайны всплывают на поверхность, и в игру вступают те, кто десятилетиями ждал своего часа.

Коллежский ассессор Алексей Петрович Лыков — следователь по особо важным делам — только что вернулся в столицу после расследования жестокого убийства в уездном городе N. Его триумф краток. Из Эрмитажа похищены секретные документы покойного императора Александра I. Среди них — загадочная «бумага 7», способная изменить судьбу династии Романовых.

Лыкову угрожают. Его жену преследуют. Его друзей убивают. За спиной сыщика плетут сети могущественные люди, для которых правда — всего лишь товар, а человеческая жизнь — разменная монета.

Кто стоит за кражей? Тайный «Комитет 14 декабря»? Шеф жандармов граф Орлов? Или кто-то гораздо ближе, чем можно себе представить?

Лыкову предстоит пройти через тюрьму, пытки и предательство, чтобы докопаться до истины. Но готова ли империя услышать правду? И какой ценой?

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	15
Глава 3.	28
Глава 4.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владимир Кожедеев

Дагерротип князя Щетинина. Книга 2. Тень государя

Глава 1.

Петербург в конце апреля 1856 года был похож на человека, который только что перенес тяжёлую болезнь и ещё не понял, выжил ли он или уже умер.

Три недели назад, 18 февраля, скончался император Николай Павлович. Тридцать лет железной воли, тридцать лет парадов, цензуры и казарменного блеска — всё это рухнуло в одночасье. Новый государь, Александр II, ещё не успел сказать своего главного слова, но воздух уже дрожал от слухов: быть ли свободе? быть ли гласности? быть ли правде?

Вот именно правды в столице сейчас и не хватало.

Алексей Петрович Лыков, коллежский ассессор, следователь по особо важным делам при Министерстве внутренних дел, стоял у окна своей квартиры на Среднем проспекте Васильевского острова и смотрел на серую, мокрую улицу. Апрельская слякоть превратила Петербург в болото: снег ещё

лежал в тени, но на мостовой чавкала жидкая грязь, переходящая в лужи, а извозчики ругались так, будто война только вчера кончилась.

Лыков держал в руке номер «Северной пчелы» за 24 апреля 1856 года. Газета пахла типографской краской и сенсацией. Он перечитал заметку в третий раз, и каждый раз его брови сходились к переносице всё плотнее.

«НЕСЛЫХАННОЕ ЗЛОДЕЯНИЕ. В ночь на 22 апреля сего года из Императорского Эрмитажа похищены документы особой государственной важности. По неподтверждённым сведениям, злоумышленники проникли в хранилище через крышу, усыпив стражу поддельными рецептами из аптеки. Среди утраченного — архив покойного государя Александра Павловича. Полиция в растерянности. Министерство двора хранит молчание. Петербург взволнован».

Лыков поморщился. «Поддельные рецепты из аптеки» — это было настолько нелепо, что даже репортёр, должно быть, сам не верил в то, что писал. Но шум был поднят намеренно. Газеты жирными буквами печатали слово «похищены» и делали многозначительные отточия там, где никаких тайн не было.

— Чай стынет, Алексей Петрович, — раздался голос из соседней комнаты.

Он обернулся. Анна Сергеевна Лыкова, его жена, стояла в дверях гостиной, опершись рукой о косяк. Ей было двадцать девять, но выглядела она старше — усталость послед-

них месяцев легла на лицо тенями под глазами и складкой у губ. Она была в простом шерстяном платье цвета мокрого асфальта, без украшений, только маленькая брошь с аметистом у горла — подарок мужа к первой годовщине свадьбы.

— Я подогрею, — сказал Лыков, пряча газету в карман сюртука. — Не беспокойся.

— Ты опять не ложишься, — не спрашивая, констатировала она. — Опять просидел над бумагами до утра. Доктор велел тебе беречь сердце, а ты...

— Доктор, — перебил Лыков с той особенной досадой, которую позволяют себе мужья, когда знают, что жена права, но не хотят этого признавать. — Докторам платят за то, чтобы они что-нибудь запрещали. Если бы они могли прописать покой, они бы прописали, но покоя нет.

— Покой? — Анна шагнула в комнату, и голос её сорвался с будничных нот на что-то более высокое, опасное. — Какой покой, Алексей? Ты третью ночь не спишь. Ты таскаешь в дом какие-то папки с грифом «секретно», разговариваешь сам с собой, а когда я спрашиваю, что случилось, ты говоришь: «Не твоего ума дело».

— Я такого не говорил.

— Ты сказал: «Это служебное». А разве служебное не становится нашим, когда ты спишь и бормочешь во сне? Когда я перевязываю твои раны? Когда к нам врываются среди ночи и обыскивают квартиру? — Она остановилась, перевела

дыхание. — Прости. Я не должна была.

Лыков молчал. Он знал, что она права. Последние полгода были адом. Дело в городе N., погоня, убийства, потом — краткий триумф, который обернулся ссылкой. И вот теперь, после смерти Николая I, его неожиданно вернули в столицу. Не наградили, не повысили — просто вернули, как возвращают инструмент, который может пригодиться.

Он подошёл к ней, взял за руки.

— Анна. Я не могу рассказать тебе всё. Не потому, что не доверяю. Потому что, если ты будешь знать — ты станешь мишенью. А я... — Он запнулся. — Я не вынесу ещё одной потери.

Она подняла на него глаза. В них была не только любовь, но и давно копившаяся, загнанная внутрь обида.

— Ты думаешь, я не мишень сейчас? Твоя сестра в Саратове. Её мужа арестовали. Твоего племянника исключили из гимназии. И ты считаешь, что наша семья — это не мишень? Алексей, они бьют по нам, по всем! А ты сидишь в своём кабинете и читаешь газеты.

Он отпустил её руки и отошёл к окну.

— Я знаю, — сказал он глухо. — И я знаю, кто за этим стоит.

— Кто?

Лыков помолчал. Потом достал из кармана сложенный вдвое лист бумаги — не газету, а тонкую, почти прозрачную почтовую бумагу, на которой каллиграфическим почерком

было выведено всего несколько строк.

— Это прислали в министерство вчера. Лично мне. Без подписи.

Она взяла лист, прочитала вслух:

«Коллежский ассессор Лыков. Вам не уйти от прошлого. Комитет 14 декабря помнит всех. Советуем закрыть глаза на эрмитажное дело. Иначе ваша жена и сестра узнают, что такое настоящая потеря. Следующий конверт будет с траурной каймой».

— Это угроза, — сказала Анна ровным, чужим голосом.

— Это не просто угроза. Это — инструкция. Они хотят, чтобы я отказался от расследования. Или сделал вид, что ничего не нашёл.

— И что ты ответил?

Лыков повернулся к ней. В его глазах не было ни сомнения, ни страха. Только холодная, многолетняя, выжженная прежними делами решимость.

— Я уже ответил. Я взялся за это дело. И я доведу его до конца.

Анна опустилась на стул, положила лист на стол. Её пальцы дрожали.

— Ты нас убьёшь, — сказала она тихо. — Не их пулями. Своим упрямством.

— Если я отступлю, — Лыков подошёл к ней и сел напротив, взяв её руки в свои, — они убьют нас. Но не сразу. Сначала они заставят нас смотреть, как умирает наша честь.

Потом наша свобода. Потом — наша жизнь. Я видел такое, Анна. Я видел, как люди сдаются, думая, что спасут себя. Они не спасались. Они только отсрочивали казнь.

Она долго молчала. Потом выдернула руки, поднялась и подошла к комоду, где лежали её личные вещи.

— Знаешь, — сказала она, не оборачиваясь, — когда я выходила за тебя, я думала, что выхожу за человека, который будет ловить воров и разбойников. Дворянских негодяев, игроков, дуэлянтов. Я не думала, что стану женой человека, который воюет с призраками.

— С какими призраками? — насторожился Лыков.

— С теми, кого нет. С тем, что было тридцать лет назад. С декабристами, Алексей. С мёртвыми. Кто сейчас вспоминает 14 декабря? Только вы, сыщики, и они, заговорщики. А для нас, для женщин, есть только живые. Живые, которые каждую ночь могут не вернуться домой.

Она открыла комод, выдвинула ящик, вынула оттуда маленький, перетянутый лентой пакет.

— Что это? — спросил Лыков.

— Это... — Анна запнулась. — Это на чёрный день. Моя мать собирала. Фамильные безделушки, которые я так и не надела. Я думала, что они пригодятся, если ты прогоришь или заболеешь. Но теперь я вижу: они пригодятся раньше.

Она положила пакет в ридикюль и застегнула его.

— Ты куда? — Лыков встал.

— К ювелиру. Надо продать, пока не подешевело. А ве-

чером я еду к графине Шереметевой. У неё сегодня вечер, будут все, кто что-то значит в этом городе. Может быть, я узнаю что-то полезное.

— Анна, нет. Это опасно.

— Опасно? — Она обернулась, и в первый раз за этот разговор он увидел в её глазах не страх, а гнев. — А сидеть дома и ждать, пока твой муж принесёт пулю в лоб, — это безопасно? Я не хочу быть вдовой, Алексей. Я хочу быть союзницей. Или ты считаешь, что женщина не может помочь в твоём деле?

Лыков открыл рот, чтобы возразить, но осекся.

Она была права. Она всегда была права, когда дело касалось жизни.

— Только будь осторожна, — сказал он наконец. — Ничего не записывай. Только слушай. И если услышишь имя...

— Какое?

— Безобразов. Тайный советник Безобразов. Если его имя прозвучит — сразу уходи. Не оглядываясь.

Анна кивнула и вышла, не прощаясь.

Лыков остался один.

Долго стоял у окна, глядя, как её пролётка отъезжает от подъезда, как колышется вуалетка на её шляпке, как извозчик хлещет лошадь, чтобы не стоять на морозе.

Потом сел за стол, выдвинул ящик, достал папку с надписью «Эрмитаж. 22.04.1856». Развязал тесёмки и начал перечитывать то, что уже знал наизусть, но никак не мог связать

воедино.

Факты, изложенные в деле Лыкова (утренние записи):

Кража. Из хранилища Эрмитажа исчезли три пакета с сургучными печатями. По описи — личные письма императора Александра I князю Адаму Чарторыйскому (1801–1805), неизвестный дневник за 1812 год и некая «бумага № 7», содержимое которой даже не было записано в каталог.

Время. Кража произошла между 22 часами 00 минут 21 апреля и 6 часами 00 минут 22 апреля. В это время в Эрмитаже якобы находились только два сторожа. Оба утверждают, что ничего не слышали и не видели. Один из них — отставной солдат, второй — вольнонаёмный. У обоих чистые послужные списки.

Следы. На месте кражи нашли окурок сигары редкого сорта («Гавана», которые продавались только в двух табачных лавках Петербурга — у Палкина на Невском и у купца Вульфа на Лиговке). А также — клочок синего сукна, предположительно от форменного мундира.

Реакция. Министерство императорского двора хранит молчание. Но шеф жандармов граф Орлов лично звонил Лыкову вчера вечером и сказал: «Государь обеспокоен. Дело не терпит огласки. Работайте тихо, Лыков. Очень тихо. И помните: некоторые тайны лучше не раскрывать, а хоронить».

Лыков перечитал последний пункт и усмехнулся.

Хоронить тайны — это было его работой последние де-

сять лет. Только почему-то тайны, которые он хоронил, всегда находили дорогу обратно на свет.

Он взял чистый лист бумаги, обмакнул перо в чернильницу и написал:

«План действий. 25 апреля 1856 г.

Допросить сторожей отдельно, сравнить показания.

Посетить табачные лавки — узнать, кто покупал „Гавану“ в последнюю неделю.

Связаться с Брусникиным — пусть проверит окурки на предмет подделки.

Встретиться с Долгоруковым — он в Сенате, может поднять старые дела о кражах из Эрмитажа (были ли такие ранее?).

Выяснить, кто из высших чинов имел доступ к описи „бумаги №7“. Слишком удобно, что опись исчезла вместе с бумагой.

Он отложил перо и перечитал список.

Всё это была рутина. Всё это не вело ни к чему, кроме как к очередному тупику.

И только одно — самое главное — он не записал, потому что боялся даже самому себе признаться в этой догадке.

Но догадка была.

А что, если кража — не кража? Что, если документы не украли, а спрятали? И что, если их спрятал кто-то из своих, из тех, кто должен был их охранять?

А что, если это — часть большого заговора? Того самого,

о котором говорили в шепоте, которого не существовало, но которое убивало людей каждые десять лет, как часы?

«Комитет 14 декабря».

Лыков вспомнил 1846 год. Холодный зал Сената. Запах сургуча и страха. Старого чиновника, который перед смертью прошептал ему: «Они не ушли, Лыков. Они просто стали тенью. И когда придёт время — они вернуться».

Похоже, время пришло.

За окном начинался новый, холодный, петербургский день. Где-то в городе человек в синем мундире курил гаванскую сигару и перечитывал бумаги, которые могли изменить судьбу империи.

Лыков задул свечу и пошёл одеваться.

Надо было работать.

Глава 2.

Воспоминание — это не то, что приходит, когда хочешь ты. Оно приходит, когда хочет оно.

Лыков знал это лучше других. Он привык к тому, что по ночам, когда город затихал и только изредка пролетали извозчики да брели пьяные чиновники с Лиговки, в его голове начинали шевелиться тени. Тени прошлых дел. Тени лиц, которые он отправил на каторгу или на эшафот. Тени тех, кто ушёл сам, потому что Лыков не успел.

Но сегодня тень была не просто тенью.

Она сидела напротив него в маленькой комнате при министерстве, куда он пришёл, чтобы разобрать старые бумаги, и курила трубку, пуская кольца дыма в низкий, закопчённый потолок.

— Ты меня слышишь, Лыков? — спросила тень голосом, который не слышал десять лет. — Или я для тебя уже призрак?

Алексей Петрович моргнул.

Наваждение рассеялось. Перед ним, развалившись на продавленном кожаном кресле, сидел не призрак, а вполне живой человек. Плотный, коренастый, с рыжеватой бородкой, тронутой сединой, и хитрыми глазами, которые, казалось, видели тебя насквозь.

Князь Владимир Андреевич Долгоруков.

Тот самый друг юности, однокашник по Училищу правоправедения, который помогал Лыкову в самых тёмных делах и которого Лыков не видел с тех пор, как вернулся из ссылки в город N. Долгоруков теперь был сенатором, человеком с весом и связями, но выглядел так же, как и двадцать лет назад — бесшабашным гусаром, которому всё нипочём.

— Я слышу тебя, Владимир, — сказал Лыков, закрывая папку с делом Эрмитажа. — Но не понимаю, зачем ты пришёл. У тебя сейчас приёмная полна просителей, а ты в моей каморке.

— Просители подождут, — Долгоруков выпустил очередное кольцо дыма. — А ты — нет. Я слышал, ты взялся за эрмитажную кражу. Я слышал, тебе уже угрожали. Я слышал, что твоя жена продаёт фамильные безделушки, потому что вы сидите без денег. И я хочу знать: это правда?

Лыков помолчал.

— Правда, — сказал он наконец. — Но не вся. Не хватает ещё одного факта, который я никак не могу найти.

— Какого?

— Мотива. Зачем красть бумаги, которые никто никогда не увидит? Их не продать — это не бриллианты. Их не обнародовать — цензура не пропустит. Их можно только... — он запнулся, — использовать как рычаг давления. На кого-то, кто боится, что эти бумаги увидят свет.

Долгоруков усмехнулся, но усмешка вышла невесёлой.

— Ты всегда был умнее меня, Алексей. И всегда лез туда,

куда умные не лезут. Помнишь 1846 год? Дело о поддельных векселях в Сенате?

Лыков вздрогнул.

1846 год.

Это было его первое громкое дело. Он тогда был ещё титулярным советником, молодым, дерзким, уверенным, что правда всегда побеждает. В Сенате вскрылась подделка векселей на огромную сумму — полмиллиона рублей. Подделка была мастерской, почти гениальной. Но Лыков нашёл изъян: почерк в одной из подписей слегка дрожал, как будто рука ставившего её боялась.

Он копнул глубже и вышел на целую сеть: чиновники министерства финансов, сенатские секретари, даже один из обер-прокуроров. Все они подделывали векселя, переводя казённые деньги на счета подставных лиц.

Когда Лыков пришёл с докладом к тогдашнему министру юстиции, тот побледнел и сказал: «Вы понимаете, Лыков, что за этими людьми стоят другие? Что вы роете под фундамент империи?»

Лыков ответил: «Я рою под фундамент мошенников, ваше превосходительство».

Дело замяли. Виновных тихо уволили, но никто не сел в тюрьму. Вместо этого Лыкову предложили «забыть о происшедшем» и пригрозили переводом в провинцию.

Он не забыл.

Он завёл папку, в которую собрал все нити, которые не

удалось довести до конца. И в той папке впервые появилось название, которое потом преследовало его всю жизнь.

«Комитет 14 декабря».

— Ты хочешь сказать, — Лыков поднял глаза на Долго-рукова, — что эрмитажное дело связано с тем, что было в сорок шестом?

— Я хочу сказать, — Долгоруков наклонился вперёд, понижая голос, — что это одно и то же. Те же люди. Те же методы. И та же цель — захватить власть над теми, кто думает, что он у власти.

Он достал из внутреннего кармана сюртука сложенный вчетверо лист бумаги и положил на стол.

— Это я достал из секретного архива Сената. Список чиновников, которые были замешаны в деле 1846 года, но избежали наказания. Посмотри на фамилии.

Лыков развернул лист, пробежал глазами.

Пять фамилий. Две были ему знакомы, три — нет.

— Кто такой Безобразов? — спросил он, ткнув пальцем в третью строчку.

Долгоруков выдохнул.

— Тайный советник. Начальник архивного департамента Министерства двора. Именно он подписывал опись пропавших бумаг Александра I. И именно он... — Долгоруков сделал паузу, — именно он курировал охрану Эрмитажа в ночь кражи.

Лыков медленно положил лист на стол.

— Ты хочешь сказать, что министерский чиновник украл сам у себя?

— Я хочу сказать, — Долгоруков взял со стола карандаш и нарисовал на промокашке круг, — что у нас есть кольцо. Эрмитаж. Архив. Сенат. Четырнадцатое декабря. Всё замыкается на одном человеке. И этот человек — Безобразов.

— Доказательства?

— У меня нет доказательств. У меня есть только подозрения. Но у тебя, Лыков, есть то, чего нет у меня: нюх на правду.

Лыков промолчал.

Он сидел, глядя на нарисованный круг, и в голове его складывалась картина.

1846 год. Комитет 14 декабря. Поддельные векселя, которые должны были обрушить финансы империи. Провал. Комитет уходит в тень.

1856 год. Новый император. Слабость власти. Момент, когда тень снова может стать телом.

И кража документов, которые могут шантажировать кого-то на самом верху.

— Володя, — сказал Лыков, называя Долгорукова именем, которое не говорил со студенческих лет, — а что, если эти бумаги — не просто архив? Что, если там — доказательства того, что Николай Павлович взошёл на престол не совсем законно? Что, если там — тайна, которая может расколоть династию?

Долгоруков побледнел.

— Ты понимаешь, что ты говоришь?

— Понимаю. Поэтому я и хочу найти эти бумаги.

— И что ты сделаешь, когда найдёшь?

Вопрос повис в воздухе.

Лыков знал ответ. Знал с самого начала, но боялся произнести его вслух. Потому что правильный ответ — «отдам государю» — был детским лепетом для человека, который видел, как правду хоронят в архивах. А правильный ответ для самого себя — «использую против тех, кто убивает правду» — был страшным.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Пока не нашёл — не знаю.

Долгоруков поднялся, потушил трубку о каблук сапога.

— Береги себя, Алексей. И береги Анну. Если Безобразов узнает, что ты уже вышел на него... — Он не договорил, махнул рукой и вышел, оставив после себя запах табака и недоказанности.

Лыков остался один.

В тот же день, вечером.

Анна вернулась от ювелира поздно, когда Лыков уже зажег лампу и раскладывал на столе бумаги.

Она вошла тихо, сняла шляпку, положила ридикюль на комод.

— Сколько дали? — спросил Лыков, не оборачиваясь.

— Мало. Сказали, что сейчас не время для драгоценно-

стей. Все продают, никто не покупает. Дали только триста рублей.

— Достаточно, чтобы продержаться месяц.

— А дальше? — Анна подошла к столу, села напротив. — Что дальше, Алексей?

Он поднял на неё глаза.

— Дальше я закончу это дело. И тогда у нас всё будет.

— Ты так говоришь, будто это дело — как прошлое. Раскрыл — и свободен. Но ты же знаешь, что это не так. Каждое раскрытое дело рождает три новых. Каждый пойманный преступник оставляет после себя десять, которые мстят.

— Ты боишься мести?

— Я боюсь, что ты не вернёшься домой. — Она сказала это спокойно, без истерики, и от этого спокойствия стало ещё страшнее.

Лыков отодвинул бумаги, протянул руку, накрыл её ладонь.

— Я вернусь. Я всегда возвращался.

— До сих пор — да. Но сегодня... — она запнулась, — сегодня у ворот я видела человека в синем сюртуке. Он стоял и смотрел на наши окна. Когда я подошла, он ушёл. Но я запомнила его лицо.

— опиши.

— Высокий. Худой. Седые виски. И на щеке — шрам. Старый такой, похожий на сабельный удар.

Лыков медленно убрал руку.

Он знал этого человека.

Знал по делу 1846 года.

Это был один из тех, кого он не смог тогда привлечь к суду. Один из тех, кто дал показания против других, чтобы спасти себя, и исчез в тумане.

Его звали Сухотин. Бывший подполковник корпуса жандармов. И если он вернулся...

— Аня, — Лыков встал, — слушай меня внимательно.

Завтра ты уезжаешь.

— Куда?

— В Москву. К моей тётке. На неделю. Я пришлю тебе денег на дорогу.

— Нет, — она тоже встала, и её глаза вспыхнули. — Я никуда не уеду. Я не буду прятаться, пока ты здесь рискуешь головой.

— Это не обсуждается.

— Это обсуждается, Алексей Петрович Лыков! Я твоя жена, а не твоя собственность! И я имею право знать, что происходит, и иметь право быть рядом, когда это происходит!

Они стояли друг напротив друга, два человека, которых разделял не стол, а целая пропасть — пропасть между его долгом и её страхом, между его правдой и её желанием жить спокойно.

— Хорошо, — сказал Лыков, и в голосе его прозвучала усталость, какой Анна никогда не слышала. — Оставайся. Но ты сделаешь то, что я скажу. Завтра ты едешь к графине

Шереметевой, как и хотела. Ты будешь слушать, запоминать, но ничего не записывать. А вечером ты расскажешь мне всё, что услышала. Договорились?

Она кивнула.

— Договорились.

Он подошёл к ней, обнял, уткнулся лицом в её волосы.

— Прости меня, — сказал он тихо. — За всё. За то, что втянул тебя в это. За то, что не могу обещать тебе спокойной жизни. За то, что люблю тебя так, что готов потерять, лишь бы ты была в безопасности.

— Ты ничего не потеряешь, — ответила она, прижимаясь к нему. — Потому что я всегда буду рядом. Даже если ты будешь меня прогонять.

Так они стояли долго, пока за окном не стемнело окончательно и в комнате не осталось только света лампы и двух теней на стене — большей и меньшей, неразделимых.

Поздняя ночь. Кабинет Лыкова.

Он не спал.

Перед ним лежали три документа:

Копия рапорта 1846 года. Лыков перечитал его в десятый раз. Тогда он писал: «Установлено, что за подделкой векселей стоит группа лиц, именующая себя «Комитетом 14 декабря». Цель — дестабилизация финансовой системы империи. Руководитель — неустановленное лицо, предположительно из высших кругов». Неустановленное лицо. Как он был наивен.

Список Долгорукова. Пять фамилий. Безобразов — первая в списке. И против каждой фамилии — пометка: «дело прекращено за недостатком улик». Недостаток улик означал одно: деньги. Кому-то заплатили, чтобы он закрыл глаза.

Письмо без подписи. То самое, с угрозой. Лыков рассматривал бумагу под лупой, пытаясь найти водяные знаки, следы пальцев, что-нибудь, что выдало бы отправителя. Бумага была простой, почтовой, продавалась в любой лавке. Почерк — каллиграфический, но безликий, учебный.

Всё упиралось в одно: нужен был человек, который мог бы открыть дверь в мир Безобразова. Человек, который знал его привычки, его слабости, его тайны.

И такой человек был.

Лыков полез в ящик стола, достал старую, потрёпанную записную книжку, перелистал страницы, нашёл нужную.

«Брусникин Семён Иванович, аптекарский помощник, город N. Проявлял дагерротипы, химик-самоучка. В 1850 году помог в деле Олсуфьева. Честен, неболтлив, смел».

Он взял чистый лист бумаги, написал короткое письмо:

«Семёну Ивановичу Брусникину. Город N., Аптека Вайнштейна.

Нуждаюсь в вашей помощи. Дело срочное, опасное, но крайне важное. Если согласны — приезжайте в Петербург немедленно. Остановитесь в гостинице «Москва» на Невском, передайте хозяину пароль: «Дагерротип проявлен». Я найду вас.

Ваш Лыков».

Он запечатал письмо сургучом, поставил печать — простую, без герба, домашнюю — и вышел в коридор, где на сундуке дремал рассыльный мальчишка.

— Отнесешь на почту, — сказал Лыков, сунув письмо и несколько монет в грязную ладошку. — Заказным. Чтобы не потеряли.

Мальчишка кивнул, зевнул и убежал в темноту.

Лыков вернулся в кабинет, сел в кресло и закрыл глаза.

В голове крутились обрывки: Безобразов, Сухотин, Долгоруков, Анна, графиня Шереметева, дагерротип, прошлое, будущее.

Всё было связано. Всё было одним клубком, который нужно было распутать, прежде чем клубок затянется в петлю.

Он заснул в кресле, так и не раздеваясь, и проспал до утра. Снились ему декабристы в цепях, идущие по снегу, и синий мундир на одном из конвойных, и лицо того конвойного было точь-в-точь как лицо Безобразова.

Утром следующего дня.

Лыкова разбудил стук в дверь.

Он вскочил, машинально схватившись за карман, где лежал пистолет.

— Кто там?

— Телеграмма, ваше благородие, — раздался голос дворника. — Срочная.

Лыков распахнул дверь, взял телеграфный бланк, прочи-

тал.

Текст был коротким:

«ЛЫКОВУ АЛЕКСЕЮ ПЕТРОВИЧУ СРЕДНИЙ ПР.
17/4 ПЕТЕРБУРГ

БЕЗОБРАЗОВА НЕ ТРОГАЙТЕ ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ
Я ВАС ПРЕДУПРЕДИЛ ПРИЯТЕЛЬ ИЗ ПРОШЛОГО»

Без подписи. Без обратного адреса.

Лыков смял бланк в кулаке.

«Приятель из прошлого». Кто бы это мог быть? Тот, кто желал ему добра? Или тот, кто хотел запугать?

Он вышел в гостиную. Анна уже сидела за столом, пила чай.

— Что случилось? — спросила она, увидев его лицо.

— Ничего, — сказал Лыков, пряча смятый бланк в карман. — Просто напоминание о том, что время не лечит.

Он сел напротив неё, налил себе чаю, отхлебнул.

— Сегодня вечером у графини Шереметевой будет Безобразов, — сказал он. — Ты должна быть там и слушать.

— Я буду там не только слушать, — ответила Анна, и в её голосе прозвучала та самая сталь, которую Лыков слышал в ней впервые после их свадьбы. — Я буду смотреть. Запоминать. И, если понадобится, говорить.

— Ни в коем случае не говори. Только слушай.

— Не учи меня, Алексей, — она поставила чашку на блюдце. — Я не дура. Я знаю, что молчать — это золото. Но иногда золото надо менять на информацию. У меня есть

уши, есть глаза, есть имя. И я использую всё это, чтобы помочь тебе. Потому что, если ты не найдёшь правду — её никто не найдёт.

Лыков посмотрел на неё и впервые понял, что женился не на тихой провинциальной барышне, которая ждёт мужа с работы, а на союзнице, которая готова идти с ним до конца.

— Будь осторожна, — сказал он. — Это всё, о чём я прошу.

Она кивнула, поднялась, поцеловала его в лоб и вышла, напевая что-то тихое, почти неслышное.

Лыков остался сидеть, глядя на остывающий чай.

Время не лечило. Время только напоминало о том, что не все раны зарубцевались, не все тайны раскрыты, не все счёты оплачены.

И сегодня вечером счёты начнут оплачивать.

Глава 3.

Утро 26 апреля 1856 года началось для Петербурга не с кофе и не с молитвы, а с сенсации.

«Санкт-Петербургские ведомости» вышли с жирным заголовком во всю первую полосу:

«ВТОРАЯ КРАЖА В ЭРМИТАЖЕ! ПОХИЩЕНЫ НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ!»

Подзаголовок был ещё более зловещим:

«Полиция бессильна. Министерство двора хранит молчание. Жители столицы в панике. Неужели заговор?»

Лыков читал эту газету, стоя в своей квартире, и с каждой строчкой его лицо становилось всё мрачнее. Он не спал третью ночь, глаза слипались, голова гудела, но читать было невозможно перестать.

«Как стало известно нашему корреспонденту, в ночь с 25 на 26 апреля в Императорском Эрмитаже вновь побывали злоумышленники. На сей раз похищена некая „бумага № 7“, о которой вчера не упоминалось, но которая, по слухам, содержит тайны династии. Охрана обнаружена связанной. Следствие ведёт коллежский асессор Лыков, известный по громким делам о подделке векселей и убийству в городе N. Господин Лыков от комментариев отказался...»

— Отказался он, — пробормотал Лыков сквозь зубы. —

Потому что меня вчера вообще не было в Эрмитаже.

Он швырнул газету на стол и прошёлся по комнате.

Вторая кража. Ночью. Когда он спал в своём кресле. Когда охрана была связана — но об этом почему-то не сообщили в полицию, а сообщили в газеты.

Картина складывалась мерзкая.

Кража была инсценировкой. Её устроили для того, чтобы:

Посеять панику в городе.

Создать видимость, что Лыков не справляется.

Заставить его совершить ошибку.

Но кто? Безобразов? Или кто-то выше?

Лыков подошёл к окну. На улице, под фонарём, снова стоял человек в синем сюртуке. Тот же, которого вчера видела Анна. Сухотин.

— Игнатий! — крикнул Лыков в сторону спальни. — Вставай! Дела!

Из соседней комнаты донёсся тяжёлый вздох, потом скрип кровати, потом шарканье босых ног.

В дверях появился Игнатий Фомич Хлобуев. Он был в исподнем, с перевязанной рукой (старая рана всё ещё болела) и опухшим со сна лицом.

— Чего орёшь, Алексей Петрович? — прохрипел он. — Даже человека не пожалеешь. Я, между прочим, инвалид.

— Инвалид ты или нет, а работать надо. Посмотри в окно.

Хлобуев подошёл, глянул.

— Сухотин. Стоит, голубчик. Третий день. И всё смотрит.

— Сегодня он не просто смотрит. Сегодня он ждёт, когда мы выйдем. Чтобы доложить своему хозяину, куда мы пошли.

— И что будем делать? Через чёрный ход?

— Нет. — Лыков усмехнулся. — Мы выйдем через парадный, подойдём к нему и спросим, не нужна ли ему помощь. Он такого не ожидает.

Хлобуев крикнул, почесал затылок.

— Рискованно.

— Всё, что мы делаем, рискованно. Одевайся.

Через двадцать минут Лыков и Хлобуев, одетые по-дорожному (Хлобуев в старый, застиранный сюртук, Лыков в тёмный костюм и накидку), вышли из парадной двери.

Сухотин стоял под фонарём, курил трубку и делал вид, что читает газету. Но когда шаги приблизились, он поднял голову. В его глазах мелькнуло удивление, тут же подавленное тренированной выдержкой.

— Господин Сухотин, — сказал Лыков, останавливаясь в двух шагах. — Не желаете ли зайти на чашку чая? Утро холодное, а вы стоите на улице уже третий день. Простудитесь.

Сухотин медленно сложил газету, спрятал её в карман.

— Вы меня знаете, господин Лыков?

— Я вас помню. 1846 год. Дело о векселях. Вы давали показания против своих, чтобы спасти себя. Потом исчезли. И вот вы снова здесь. Стоите под моими окнами и ждёте.

— Не жду. Наблюдаю.

— Что наблюдаете?

— За вашим усердием, господин Лыков. — Сухотин убрал трубку, затянулся в последний раз, выбил пепел о каблук. — Вы не изменились. Такой же упрямый. Такой же опасный для тех, кто не любит правду.

— Для кого я опасен? — Лыков сделал шаг вперёд.

Сухотин не отступил.

— Для себя вы опасны, Лыков. И для вашей семьи. Я здесь не для того, чтобы вам мешать. Я здесь, чтобы предупредить.

— О чём?

— О том, что вы идёте не туда. Безобразов — это пешка. За ним стоят другие. Те, кого вы не сможете взять, даже если найдёте все улики мира.

Лыков внимательно посмотрел на Сухотина. В его глазах не было враждебности. Была усталость и — странное дело — какое-то подобие сочувствия.

— Зачем вы мне это говорите? — спросил Лыков.

Сухотин помолчал, потом достал из кармана конверт и протянул его.

— Прочитайте. Потом решите, верить мне или нет. Я был в «Комитете». Я знаю всех. И я знаю, что они задумали. Если захотите поговорить — я живу в гостинице «Европейская», номер 12. Приходите один. Без вашего... друга.

Он кивнул на Хлобуева и быстро зашагал прочь.

Лыков разорвал конверт, достал сложенный лист. Написан от руки, тем же каллиграфическим почерком, что и

предыдущее письмо, но без угроз. Просто перечень.

Пять пунктов. Пять имён.

Лыков прочитал и побледнел.

— Что там? — спросил Хлобуев.

Лыков сунул письмо во внутренний карман.

— Потом скажу. Сначала — завтрак. И потом — к Брусникину. Он уже должен быть в городе.

Гостиница «Москва» на Невском проспекте была заведением недорогим, но приличным. Здесь останавливались мелкие чиновники, приезжие купцы, отставные военные. Лыков и Хлобуев поднялись на второй этаж, постучали в номер 23.

Дверь открыл Семён Иванович Брусникин.

Он изменился за шесть лет. Возмужал, раздался в плечах, на подбородке появилась короткая рыжеватая бородка. Но глаза остались те же — умные, внимательные, с лёгкой насмешкой.

— Алексей Петрович! — Брусникин широко улыбнулся, пожал руку Лыкову, потом Хлобуеву. — Игнатий Фомич! Вы живы? А я думал, вас уже в землю закопали после той перестрелки.

— Живее всех живых, — буркнул Хлобуев. — Рука только болит. К погоде.

— Проходите, проходите. Я тут самовар поставил, булочки купил. Небогато, но душевно.

Комната была маленькой, но чистой. На столе — самовар,

чашки, блюдо с мёдом. Брусникин разлил чай, уселся напротив.

— Рассказывайте, — сказал он, отхлебнув из блюда. — Письмо ваше получил, сразу собрался. Что стряслось?

Лыков коротко пересказал суть дела: кража в Эрмитаже, Безобразов, «Комитет 14 декабря», угрозы, вторая кража, Сухотин.

Брусникин слушал, не перебивая, только хмурился всё больше.

— Химия тут нужна? — спросил он, когда Лыков закончил.

— Нужна. Бумаги старые, чернила выцвели. Надо понять, когда они написаны. Может, подделка.

— Это можно. У меня с собой реактивы есть. Я в аптеке у Вайнштейна отпросился на месяц. Сказал, родственник в Петербурге заболел.

— А что скажешь о таком, — Лыков достал из кармана окурочек сигары, найденный на месте кражи, — «Гавана». Продаётся только в двух местах. У Палкина на Невском и у Вульфа на Лиговке. Можешь определить, не подделка ли?

Брусникин взял окурочек, повертел в руках, понюхал.

— Табак настоящий. Но сигара могла быть куплена где угодно. И принесена сюда. А вот бумага... — Он поднёс окурочек к окну. — Видите? Внутренняя обёртка. На ней водяной знак. «Коломенская мануфактура». Это фабрика Вульфа. Значит, сигара точно от Вульфа. С Лиговки.

— Отлично. — Лыков кивнул. — Сегодня же съездим к Вульффу. Спросим, кто покупал «Гавану» в последние дни.

— А я что делаю? — подал голос Хлобуев. — Я не химик и не купец. Я калека.

— Ты, Игнатий Фомич, — сказал Лыков, — сегодня вечером идёшь в дом графини Шереметевой. Будешь изображать лакея. Я договорился.

Хлобуев поперхнулся чаем.

— Я?! Лакеем?! Да у меня рожа такая, что меня любой дворник за вора примет!

— Тем лучше. Тебя никто не узнает. А ты будешь слушать. Что говорят, кто приходит, кто уходит. Особенно — что говорит Безобразов.

— А если узнают?

— Если узнают — ты пьяный лакей, которого наняли для подачи шампанского. Прикинься пьяным. У тебя это хорошо получается.

Хлобуев вздохнул, налил себе ещё чаю.

— Ладно. Пойду. Ради тебя. Но если меня повесят — я с того света приду и тебя за ноги таскать буду.

Вечер того же дня. Дом графини Шереметевой на Фонтанке.

Это был один из тех особняков, где всё дышало роскошью и одновременно — скукой. Мраморные лестницы, зеркала в золочёных рамах, хрустальные люстры, свечи в канделябрах. По паркету скользили дамы в шелках и бриллиантах, муж-

чины во фраках и мундирах.

Анна Лыкова появилась в гостиной ровно в девять. Она надела скромное, но изящное платье цвета бордо — единственное, которое не продала ювелиру. Волосы уложены в простую причёску, без украшений. Скромная дворянка из обедневшего рода, жена столичного сыщика — такой её знали в свете.

Её не ждали. Её терпели. Её никто не приглашал садиться рядом.

Но Анна умела быть незаметной. Она взяла бокал шампанского, отошла к окну и стала наблюдать.

Первым появился граф Шереметев — старый, седой, с орденом на шее. Он раскланивался с гостями, что-то шептал на ухо лакеям, потом скрылся в кабинете.

Вторым — князь Долгоруков. Он заметил Анну, чуть приподнял бровь, но не подошёл. Только кивнул едва заметно: мол, всё в порядке, держись.

Третьим — Безобразов.

Он вошёл тихо, почти незаметно, но когда он появился, в зале вдруг стало как-то тише. Люди отводили глаза, расступались, давали дорогу. Безобразов был невысок, лысоват, с острым носом и близорукими, бесцветными глазами за стёклами пенсне. Ничего особенного — такой же чиновник, как тысячи других. Но что-то в нём было такое, от чего опытные львицы и старые генералы понижали голос.

Анна смотрела на него и старалась запомнить каждое дви-

жение.

Он подошёл к графине, поцеловал руку, сказал несколько слов — мягких, вкрадчивых. Потом отошёл к камину, взял с подноса бокал, оглядел зал.

Взгляд его остановился на Анне.

Она не отвела глаз.

Он улыбнулся — краешками губ, без тепла — и медленно пошёл к ней.

— Вы, кажется, жена господина Лыкова? — спросил он, подойдя.

Анна чуть склонила голову.

— Да, ваше превосходительство. Анна Сергеевна Лыкова.

— Ваш муж — очень талантливый сыщик. Я слышал о его делах. — Безобразов сделал паузу. — Но талант не всегда спасает от ошибок. Не находите?

— Нахожу, — спокойно ответила Анна. — Но ошибка — не преступление. А талант — не причина для зависти.

Безобразов прищурился.

— Острая вы женщина, Анна Сергеевна. Такие обычно либо добиваются многого, либо погибают.

— Я предпочитаю добиваться.

— Удачи вам. — Он отсалютовал бокалом и отошёл, не прощаясь.

Анна выдохнула. Руки дрожали. Она поставила бокал и медленно пошла к выходу. Надо было уходить. Она узнала достаточно.

Но на выходе её ждал сюрприз.

— Анна Сергеевна, — раздался тихий голос сбоку.

Она обернулась. В тени колонны стоял высокий, худой человек в чёрном сюртуке. Сухотин.

— Вы? — она узнала его сразу. — Что вам нужно?

— Предупредить. Вашего мужа хотят убить. Сегодня ночью. Когда он вернётся домой.

Анна побледнела.

— Откуда вы знаете?

— Я был в «Комитете». Я знаю их методы. У них есть приказ: если Лыков не отступится — убить. И его, и вас.

— Зачем вы мне это говорите?

Сухотин помолчал, потом сказал тихо:

— Потому что мне надоело быть убийцей. Передайте Лыкову: пусть не ходит домой сегодня. Пусть ночует в гостинице. И пусть готовится к бою. Они пойдут до конца.

Он исчез так же бесшумно, как и появился.

Анна постояла несколько секунд, потом выбежала на улицу, вскочила в пролётку и закричала извозчику:

— На Средний проспект, быстро!

Лыков не пошёл домой.

Он получил записку от Анны (извозчик передал на полпути) и свернул в гостиницу «Москва», к Брусникину.

В номере было тесно: Лыков, Хлобуев, Брусникин и причавшаяся Анна. Горела одна свеча. За окном — темень.

— Сухотин сказал, что тебя хотят убить, — повторила Ан-

на. — Сегодня ночью.

— Мы это уже знаем, — ответил Лыков. — Я ждал этого. Сегодня была вторая кража. Они хотят, чтобы я погиб при попытке задержать грабителей. Или чтобы меня нашли мёртвым в собственной квартире. Или чтобы... — Он посмотрел на Анну. — Или чтобы ты была вдовой.

— Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю не ждать их. А пойти к ним.

— К кому?

— К Безобразову. Прямо сейчас. У него сегодня вечером приём. Он будет занят, не ожидает гостей. Мы придём. И устроим ему сюрприз.

— Это безумие, — сказал Хлобуев.

— Это единственный шанс. Если мы будем прятаться — они нас перестреляют поодиночке. Если мы пойдём вперёд — у нас есть элемент неожиданности.

— А если Безобразов вызовет охрану?

— Не вызовет. Потому что мы не скажем, зачем пришли. Мы скажем, что нашли документы, которые его заинтересуют. Он захочет их увидеть. А когда он их увидит...

— Что? — спросила Анна.

Лыков достал из кармана письмо Сухотина.

— Он увидит список своих сообщников. С именами, датами, расписками. И поймёт, что игра кончена.

— Где ты взял этот список? — спросил Хлобуев.

— Мне его дал Сухотин. Он перебежчик.

— И ты ему веришь?

Лыков помолчал.

— Не верю. Но я проверю. Мы все проверим. Сегодня ночью.

Дом Безобразова на Английской набережной. Час ночи.

Особняк был тёмным, только в нескольких окнах горел свет. Лыков и Хлобуев подошли к чёрному ходу.

— Ты уверен? — спросил Хлобуев.

— Нет. — Лыков постучал.

Дверь открыл лакей в ливрее.

— Мы к его превосходительству. По срочному делу.

Лакей хотел что-то возразить, но Лыков шагнул вперёд, и Хлобуев — следом.

— Проводите.

Безобразов сидел в кабинете за письменным столом, перебирал бумаги. Когда вошли, он поднял глаза, но не удивился.

— Лыков? — спросил он спокойно. — Вы не вовремя.

— Я всегда не вовремя, ваше превосходительство. — Лыков положил на стол письмо Сухотина. — Вы узнаете?

Безобразов надел пенсне, прочитал, и лицо его сделалось серым.

— Откуда это у вас?

— От человека, который хочет жить. В отличие от вас.

— Вы угрожаете мне, Лыков?

— Я предупреждаю. Комитет раскрыт. Список у меня. Завтра утром он будет у государя. Если вы не...

Безобразов резко поднялся. Рука его нырнула в ящик стола.

— Сзади! — крикнул Хлобуев.

Лыков обернулся.

Из тени угла выступил человек с пистолетом. Тот самый, что был на приёме у графини. Тот самый, что следил за Анной.

— Бросайте оружие, господа, — сказал он. — Живыми вы отсюда не выйдете.

Лыков посмотрел на Безобразова, потом на пистолет, потом на Хлобуева.

В комнате стало тихо.

— Игнатий, — сказал Лыков спокойно, — ты помнишь, как мы в городе N. вытаскивали пулю из твоего плеча?

— Помню, — хрипло ответил Хлобуев. — Болело.

— Сейчас будет болеть сильнее. Приготовься.

Он шагнул вперёд, прямо на пистолет.

Раздался выстрел.

Глава 4.

Выстрел в кабинете Безобразова разорвал тишину как удар грома среди ясного неба.

Лыков успел упасть — не от страха, от долгой, выученной годами привычки. Тело среагировало быстрее мысли, бросило вниз и вбок, одновременно выхватывая из кармана маленький карманный пистолет — подарок Хлобуева после дела в городе N.

Пуля прошла в верхке от его виска и вонзилась в книжный шкаф за спиной. Брызнули щепки, посыпались книги.

— Игнатий! — крикнул Лыков, катясь по полу.

Хлобуев не нуждался в командах. Он уже летел на стрелявшего, сбивая его с ног тяжёлым, медвежьим телом. Тот охнул, выронил пистолет, и они покатались по паркету, ломая стулья, сшибая канделябры.

Безобразов рванулся к двери, но Лыков уже вскочил на ноги.

— Стоять, ваше превосходительство! — Пистолет Лыкова смотрел точно в спину чиновника.

Безобразов замер. Медленно, очень медленно повернулся.

На его лице не было страха. Только холодное, презрительное спокойствие.

— Вы совершаете ошибку, Лыков, — сказал он. —

Огромную ошибку.

— Я их совершаю всю жизнь, — ответил Лыков, не опуская оружия. — И до сих пор жив.

Сзади раздался глухой удар, потом стон. Лыков на мгновение обернулся: Хлобуев сидел верхом на поверженном противнике и закручивал ему руки за спину.

— Связать? — спросил Хлобуев, тяжело дыша.

— Связать. И обыскать.

Безобразов стоял неподвижно, наблюдая. Потом вдруг усмехнулся.

— Вы думаете, что победили, Лыков? Вы даже не представляете, с кем связались. Этот список — копия. У меня есть оригиналы. И если вы меня арестуете, они уйдут к моим людям. И тогда ваша семья...

— Моя семья, — перебил Лыков, и голос его стал жёстким, как сталь, — не ваша забота. Ваша забота — ответить на вопросы. Первый: где документы Александра I?

— Какие документы?

— Те, что украдены из Эрмитажа. Дважды.

— Я не знаю, о чём вы.

Лыков шагнул к нему, сунул пистолет под подбородок.

— Вы знаете. И вы скажете. Или я пристрелю вас здесь и скажу, что вы напали первым. У меня есть свидетель.

Он кивнул на Хлобуева, который уже связал противника и теперь стоял, опираясь на перевязанную руку.

Безобразов смотрел в дуло. Несколько секунд. Потом его

лицо обмякло, плечи опустились.

— В сейфе, — сказал он тихо. — В стене, за портретом.
Код — 14-12-25.

Лыков кивнул Хлобуеву.

— Проверь.

Хлобуев подошёл к стене, снял портрет Николая I в парадном мундире. За ним действительно оказалась железная дверца.

— Кручу? — спросил он.

— Крути.

Через минуту сейф открылся. Внутри лежали папки, пакеты с сургучными печатями, какие-то свёртки.

Лыков достал один — тот, что с надписью «Александр I. Дневник 1812 года». Распечатал, перелистал.

Почерк был старый, с завитушками, почти неразборчивый. Но Лыков узнал его — он видел такие же письма в архивах. Это действительно был дневник покойного императора.

— Второй вопрос, — сказал Лыков, пряча дневник в карман. — Кто ваш хозяин?

— У меня нет хозяина.

— Не лгите. Вы — пешка. Кто за вами стоит?

Безобразов молчал. Губы его сжались в тонкую нитку.

— Я всё равно узнаю, — сказал Лыков. — Рано или поздно. Но если вы скажете сейчас, я упомяну ваше сотрудничество в рапорте. Может быть, это смягчит приговор.

— Смягчит? — Безобразов усмехнулся. — Лыков, вы на-

ивны. Меня не будут судить. Меня убьют свои же, как только узнают, что я взят. Вы ничего не понимаете. Это не заговор. Это система. И вы не можете арестовать систему.

Лыков посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Посмотрим, — сказал он.

Утро 27 апреля. Квартира Лыкова на Среднем проспекте. Анна Сергеевна Лыкова не спала всю ночь.

Она ждала. Каждый шорох, каждый стук в дверь заставлял её сердце пропускать удар. Она сидела в кресле у окна, сжимая в руках маленький перламутровый пистолет — память о покойной матери. В голове крутились обрывки разговоров, лица, взгляды.

Безобразов. Его ледяная улыбка. Сухотин. Его предупреждение. И муж, который пошёл на верную смерть.

Где-то в третьем часу ночи она задремала.

Разбудил её стук в дверь. Три коротких удара, потом два длинных — условный знак Лыкова.

Она вскочила, бросилась открывать.

На пороге стоял Алексей Петрович. Уставший, бледный, с красными глазами и пятнами крови на сюртуке.

— Боже мой! — Анна схватила его за плечи, ощупала. — Ты ранен?

— Не я. — Он устало улыбнулся, вошёл в комнату, опустился на стул. — Хлобуеву немного досталось, но жить будет.

— Что случилось?

Лыков кратко пересказал: визит к Безобразову, перестрелка, сейф, дневник. Анна слушала, не перебивая. Когда он закончил, она подошла к буфету, налила ему чаю.

— Ты его арестовал?

— Пока нет. — Лыков отхлебнул из чашки, поморщился — чай был холодный. — Я отдал его Долгорукову. Он поместил Безобразова в безопасное место. Завтра начинаются допросы.

— А документы?

— У меня. Часть. Дневник Александра I и несколько писем. Остальное — в сейфе, под охраной. Но главного там не было.

— Чего?

— Того, ради чего затеяли эту кражу. «Бумаги № 7». Её нет ни в сейфе, ни в Эрмитаже. Она где-то в другом месте.

— Может, её и не существует?

— Существует. Безобразов подтвердил. Но он не знает, где она. Её спрятал сам Александр I перед смертью. И найти её может только тот, кто знает тайну.

— И ты её найдёшь?

Лыков поставил чашку, посмотрел на жену.

— Я должен.

Анна молчала. Потом села напротив, взяла его руки в свои.

— Алексей, — сказала она тихо, — я хочу попросить тебя кое о чём.

— О чём?

— Откажись от этого дела.

Он дёрнулся, но она не отпустила его рук.

— Подожди, не перебивай. Я знаю, что это звучит как трусость. Но посмотри на нас. Мы продали фамильные драгоценности, чтобы прожить месяц. Твою сестру арестовали, её мужа — в тюрьме. Мне угрожают. На тебя нападают с пистолетом. Куда мы идём, Алексей? Ради чего?

— Ради правды.

— А правда стоит того, чтобы мы стали нищими? Чтобы наши дети — если они у нас будут — росли без отца? Чтобы... — Она запнулась, голос её дрогнул. — Чтобы я стала вдовой?

Лыков сжал её ладони.

— Послушай меня. Я не могу отступить. Если я отступлю — они победят. И тогда правды не будет никогда. Не только для нас — для всех. Ты понимаешь?

— Я понимаю, что ты герой, — сказала Анна с горечью. — Но я не хочу быть героиней. Я хочу быть просто женой.

Она встала, отошла к окну.

— Знаешь, что мне сказала сегодня графиня Шереметева? Она сказала: «Анна Сергеевна, ваш муж роет себе могилу. И вас закапывает вместе с ним». И она права.

— Графиня — дура.

— Графиня — умная женщина. Она видит то, чего не видишь ты. Этот город, этот свет, эти люди — они не хо-

тят правды. Им нужен покой. Им нужны деньги. Им нужны сплетни. А правда — она как сквозняк: дует откуда не ждали и сбивает всех с ног.

Лыков поднялся, подошёл к ней, обнял за плечи.

— Я люблю тебя, — сказал он. — И я не хочу тебя терять. Но если я отступлю сейчас, я потеряю себя. А человек, который потерял себя, не может любить по-настоящему.

Анна повернулась, посмотрела ему в глаза. Долго, пристально, как будто видела в первый раз.

— Тогда, — сказала она, — я пойду с тобой. До конца. Куда бы это ни привело.

— Анна...

— Не спорь. Я не отступлю. Я твоя жена. И я буду рядом. Даже если это глупо. Даже если это опасно. Даже если это нас убьёт.

Она поцеловала его — в губы, крепко, почти больно — и отошла.

— А теперь спать, — сказала она тоном, не терпящим возражений. — Завтра у тебя трудный день.

Утро того же дня. Департамент полиции.

Лыков спал всего три часа, но чувствовал себя бодрее, чем после восьми. Адреналин, страх, отчаяние — всё это смешалось в нём в какой-то коктейль, который гнал вперёд, не давая остановиться.

Он сидел в кабинете Долгорукова, просматривал бумаги, изъятые из сейфа Безобразова.

— Вот, — сказал Долгоруков, пододвигая к нему папку.

— То, что вы ищете. Список имён.

Лыков взял папку, открыл.

Внутри было несколько листов. На первом — столбик фамилий. Лыков пробежал глазами: Безобразов, Сухотин, ещё три фамилии, знакомые по делу 1846 года. И в самом низу — та, от которой похолодело внутри.

— Это... — он поднял глаза на Долгорукова. — Это невозможно.

— Возможно, — ответил Долгоруков. — Более того, это факт. Один из заговорщиков — ваш старый знакомый.

— Но он умер. Я сам подписывал свидетельство о смерти.

— Ты подписывал свидетельство о смерти человека, которого звали так же. Но это другой. Тот, которого вы знали, жив. И он здесь, в Петербурге.

Лыков откинулся на спинку стула, закрыл глаза.

Картина складывалась чудовищная. «Комитет 14 декабря» не только не исчез после разгрома декабристов, но и вырос в тени, обрастая новыми людьми, новыми связями. И теперь, когда умер Николай I, они решили ударить.

— Что им нужно? — спросил он. — Чего они хотят?

— Власти, — просто ответил Долгоруков. — Как и все. Но не открытой — они умнее декабристов. Они хотят контролировать нового императора. Шантажировать его. Заставить его принимать решения, выгодные им. А «бумага № 7» — это ключ.

— Что в ней?

— Если верить слухам — доказательство того, что Николай I не был законным наследником. Что его старший брат Константин отрёкся от престола не добровольно, а под давлением. И что Александр I перед смертью составил завещание, по которому престол должен был перейти к... — Долгоруков понизил голос, — к другому человеку.

— К кому?

— Не знаю. Никто не знает. Это и есть главная тайна.

Лыков встал, прошёлся по кабинету.

— Значит, нам нужно найти «бумагу № 7». До того, как её найдут они.

— Да. И времени у нас мало. Безобразов арестован, но его люди на свободе. И они уже знают, что он взят.

— Как быстро?

— Они были в курсе уже через час после вашего визита. В доме Безобразова есть «крот». Кто-то из прислуги или охраны.

— Хлобуев говорил, что видел лакея, который исчез, когда началась стрельба.

— Вот его и нужно найти.

Лыков вздохнул.

— У меня есть ещё одно дело. Сестра. Её муж сидит в тюрьме по ложному обвинению.

— Я знаю. — Долгоруков кивнул. — Я уже распорядился. Его выпускают сегодня. А племянника восстановят в гим-

назии.

— Спасибо, — сказал Лыков. — Ты не представляешь, как это для меня важно.

— Представляю. — Долгоруков положил ему руку на плечо. — Ты не один, Алексей. У тебя есть мы. И мы не дадим тебя в обиду.

День 27 апреля. Квартира Лыкова.

После обеда пришла телеграмма из Саратова. Лыков разорвал конверт дрожащими руками и прочитал вслух:

«Алексей Петрович! Муж освобождён. Сын в гимназии. Спасибо. Не знаю, как вас благодарить. Ждём вас в гости. Сестра Катя».

— Слава Богу, — сказала Анна.

— Не Богу, — поправил Лыков. — Долгорукову.

— И ему тоже. — Она подошла, обняла его. — Но ты знаешь, что это не конец? Они будут мстить.

— Пусть мстят. Я готов.

— А я? Я тоже готова. — Анна отстранилась, посмотрела ему в глаза. — У меня есть план.

— Какой?

— Завтра вечером у графини Шереметевой будет бал. Там будет весь свет. В том числе и те, кто в списке Безобразова. Я пойду туда.

— Нет. Опасно.

— Не опаснее, чем ходить с пистолетом в дом к заговорщику. Я буду слушать. Запоминать. Может быть, узнаю, где

«бумага № 7».

— Анна...

— Алексей, — перебила она. — Ты обещал, что мы будем вместе. До конца. Вот он — конец. Не отступай теперь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.